

СЕМЕЙНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ РУССКОГО СЕВЕРА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: СВЯЗЬ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО ВАРИАНТОВ¹

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Семейный демографический календарь Русского Севера на рубеже XIX–XX вв.: связь сельского и городского вариантов / В. А. Зверев // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: (материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003») / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Гос. ист.-архитект. и этногр. музей-заповедник «Киж», 2003. С. 174–177.

В ряде своих работ автор настоящего сообщения ввел в научный аппарат социальной истории и смежных с ней дисциплин – этнологии, демографии, социологии – понятие *народный демографический календарь*¹. Так мы предлагаем называть стереотипный способ хронологической организации в течение календарного года всех форм повседневного демографического поведения той или иной социальной группы в его ментальной и культурной обусловленности. Выделяя различные сферы демографического поведения, можно вести речь о календаре матримониальном (брачном), прокреативном (детородном), витальном (жизнесохранительном), миграционном и т. д.

Если из всех социальных групп ученый выбирает для анализа семью, он может использовать понятие *семейный демографический календарь* (СДК). СДК как разновидность народного демографического календаря хронологически организует те демографические события, которые получают культурно-обрядовое оформление обычно в семье, и последствия которых сильнее всего сказываются на состоянии именно семейной структуры: браки, зачатия, рождения, смерти. Мы считаем, что СДК – яркое проявление культуры и образа жизни любого народа, в том числе русского, поэтому он нуждается в описании и объяснении.

В настоящем сообщении характеризуется помесечное и посезонное распределение семейных демографических событий на Русском Севере конца XIX – начала XX в. Акцентируется взаимосвязь сельского и городского вариантов календаря, объясняются экономические и культурные причины их сходства и различий. В качестве источника для построения хронологических рядов показателей используются официальные данные

¹ См., например: *Зверев В. А.* Семейный демографический календарь: Годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 127–145; *Он же.* Народный демографический календарь как объект социально-исторического исследования // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002. С. 306–309

Центрального статкомитета Министерства внутренних дел, опубликованные в повременном издании «Статистика Российской империи». Эти данные восходят в основном к материалам первичного учета фактов бракосочетания, рождения и смертности в метрических книгах христианских церквей: почти все население Русского Севера было в изучаемый период православным.

При подсчете распределения демографических событий мы суммировали сведения *по всем уездам и городам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний*. Данные брались за три года (1898–1900), чтобы исключить влияние случайных обстоятельств одного конкретного года и сделать выводы репрезентативными для длительного периода на рубеже XIX–XX вв. В построенной нами таблице 1 показано не абсолютное количество браков, рождений и смертей, а их относительное соотношение в разные месяцы при среднемесячной величине, принятой за 1000. Конечно, из-за некоторой неполноты и неточности метрической регистрации статистика дает возможность установить распределение демографических «происшествий» только приблизительно, но погрешности здесь невелики. Об этом свидетельствует достаточно четкое проявление в исчисленных цифровых рядах строгих закономерностей СДК. Укажем на некоторые из этих закономерностей, общие для селений и городов.

Таблица 1

Помесячное распределение демографических событий на Русском Севере в 1898–1900 гг. (средняя величина принята за 1000)²

Месяц	Браки в		Рождения в		Смерти в	
	селениях	городах	селениях	городах	селениях	городах
Январь	3328	2563	1056	1106	954	967
Февраль	4082	2177	934	985	913	978
Март	–	5	943	1031	1029	1106
Апрель	739	870	851	896	1016	1069
Май	932	814	917	906	970	948
Июнь	366	414	1056	998	1035	1018
Июль	710	1153	1211	1076	1399	1116
Август	123	553	1122	1024	1305	1149
Сентябрь	217	1033	937	924	849	851
Октябрь	603	1302	1055	1096	765	877
Ноябрь	899	1116	1057	1059	783	877
Декабрь	1	14	862	897	981	1050

² Подсчитано по: Статистика Российской империи. СПб., 1903. Вып. 56. С. 16–17, 20–21, 34–35, 56, 58, 72, 94–97, 110–111; 1904. Вып. 58. С. 16–17, 20–21, 34–35, 56, 58, 72, 94–97, 110–111; 1906. Вып. 62. С. 16–17, 20–21, 34–35, 56, 58, 72, 94–97, 110–111.

При анализе таблицы 1 становится очевидным, что **браки** и в селениях, и в городах Русского Севера крайне неравномерно распределялись по календарному году. При этом наблюдалась сравнительно тесная связь между помесечным распределением браков в городе и деревне: *коэффициент линейной корреляции* цифр в двух столбцах равняется 0,65. Имели место два общих для сельчан и горожан сезонных взлета брачной активности. Первый приходился на январь-февраль, когда деревенские жители справляли 61,8 % своих свадеб, а городские – 39,5 %; второй отмечен в октябре-ноябре, когда зафиксировано 12,5 % браков в селениях и 20,2 % – в городах. Осенне-зимний период сватовства и свадеб не только на Севере, но и повсеместно в России традиционно открывался с Покрова Богородицы (1 октября³), когда крестьяне оканчивали уборочные работы, создавали продовольственные запасы и начинали высвобождать время для гулянок. Однако охотнее всего свадьбы справлялись не осенью, а в разгар зимы, между Крещением (6 января) и Масленицей. В деревнях и малых городах продажа хлеба и мяса давала к этому времени средства на свадебный пир, мужчины сворачивали к морозам охотничий промысел, после свадьбы к весне – новому хозяйственному сезону – в дом приходила новая работница. В урбанизированной среде имела значение возможность закупить зимой продукты для свадебного пира по более дешевой цене, но главное – в силе оставалась сложившаяся в деревне, но укрепившаяся повсеместно национальная традиция зимних свадеб.

К общим для города и села закономерностям матримониального календаря можно отнести также почти полное прекращение брачной активности в марте и декабре, минимальное количество свадеб в августе. Здесь действовал общий для крестьян и большинства горожан религиозный фактор. Дело в том, что православная церковь не венчала браки прихожан во время многодневных постов, между Рождеством Христовым и Крещением, на протяжении масленичной и пасхальной недель. Великий пост в изучаемое время как раз включал в себя весь март, Рождественский пост – почти весь декабрь, половину августа захватывал Успенский пост. В ноябре свадеб было бы гораздо больше, если бы Рождественский пост не занимал вторую половину этого месяца. Религиозный запрет в некоторой степени уменьшал также количество браков в феврале (в иные годы здесь начинались Масленица и Великопостье), в апреле-июне. На июль ни одного поста не приходилось, поэтому здесь наблюдалось небольшое брачное оживление. Оно более заметно в городах, поскольку крестьянам в весенне-летний сезон интенсивных полевых и огородных работ было не до свадеб.

Перейдем к анализу прокреативного календаря. Цифры, сведенные в таблицу 1, показывают, что **рождения** на Русском Севере были распределены по месяцам более равно-

³ Все календарные даты приводятся по юлианскому календарю («старый» стиль)

мерно, чем браки, однако сезонные колебания все же имели место. Существовала еще более тесная, чем в матримониальном календаре, связь между годовой динамикой в селениях и городах: коэффициент линейной корреляции для рождений (а значит, и зачатий) равен 0,80. Заметно некоторое ослабление рождаемости в зимне-весенний период и усиление в летне-осенней полугодии (июнь-ноябрь), когда рождалось 53,7 % деревенских младенцев, 51,7 % – городских. В рамках этой закономерности некоторые месяцы демонстрируют отклонение. Так, несмотря на летне-осеннее учащение рождений, сентябрь и в городах, и в селениях дает небольшие показатели. В условиях зимне-весеннего спада рождаемость в январе и марте (особенно в городах) оказывалась, тем не менее, сравнительно высокой.

Чтобы объяснить выявленные закономерности, все показатели рождаемости, имеющиеся в таблице 1, мы *передвинули на девять месяцев назад*, и таким образом получили приблизительную картину помесячного распределения числа **зачатий**. Оказывается, в осенне-зимний период наблюдалось увеличение интенсивности зачатий. Ясно, что ситуацию здесь определяет совокупность факторов. Осенью и зимой крестьяне и горожане в относительном изобилии имели калорийную пищу и досуг, поэтому интенсивнее становилась их половая жизнь. Физиологические особенности человеческого организма тоже обуславливают особую половую активность осенью и в начале зимы. Это время самое благоприятное для начала беременности, поскольку младенцы рождаются в конце лета – начале осени, когда они и их мать меньше всего рискуют пострадать от голода. Тем не менее, в декабре зачатий (и, соответственно, в сентябре рождений) происходило сравнительно немного, поскольку действовало религиозное требование плотского воздержания во время Рождественского поста.

Уменьшение количества зачатий весной-летом в значительной степени было связано с тем же церковным запретом на половую жизнь во время 48-дневного Великого поста и Пасхи. Кроме того, в селениях имело место ослабление сексуальной активности населения в период интенсивных сельскохозяйственных работ. Пик этих работ на Русском Севере приходился на июль-август и, соответственно, минимальный уровень рождаемости в году наблюдался в апреле-мае. Наконец, в деревне, как и в городе, действовал также фактор биологический: к началу весны у женщин наступает естественное снижение способности к оплодотворению, что ведет к падению рождаемости в декабре. Всплеск рождаемости в следующем месяце – январе – можно объяснить апрельским учащением зачатий, когда в разгар весны активизируется жизнедеятельность человеческого организма. Мартовский небольшой подъем рождаемости, возможно, связан со снижением интенсивности хозяйственных операций в июне – между окончанием посевной и началом сенокоса.

Случаи **смертности** на Русском Севере были с гораздо большей неравномерностью «разбросаны» по месяцам и сезонам, чем факты рождаемости, хотя и сильно уступали в этом отношении случаям брачности. Помесячная динамика в селениях и городах здесь связаны между собой теснее всего: коэффициент линейной корреляции двух столбцов достигает 0,84. Бросается в глаза наличие двух сезонных всплесков смертности. Невысокий подъем замечен весной (март-апрель), а наивысший пик – летом, в июне-августе, когда смертность по региону была в 1,3 раза выше среднегодовой величины, в сумме происходило 31,2 % всех летальных случаев в селениях, 27,3 % – в городах. Годовой минимум смертности и в деревне, и в городе приходился на два осенних месяца – октябрь и ноябрь.

Осенний минимум объясняется довольно просто. Во-первых, осень на Русском Севере – достаточно благоприятное для жизни и здоровья людей время года, когда редко случаются сильные ненастья, резкие перепады температуры воздуха и т. п. Во-вторых, в октябре-ноябре, после завершения наиболее тяжелых работ, люди уже имеют досуг, чтобы подумать о здоровье, располагают запасами свежих продуктов питания, что снижает заболеваемость и смертность. Чтобы объяснить летний и весенний подъемы смертности, мы разделили всех умерших в селениях и городах Олонецкой губернии на три возрастные группы (от рождения до 1 года, от 1 до 5 лет, старше 5 лет) и выявили особенности календаря смертности у каждой из этих групп (табл. 2).

Таблица 2

Помесячное распределение смертности населения различного возраста в Олонецкой губернии (средняя величина принята за 1000)⁴

Месяц	До 1 года			1–5 лет	Старше 5 лет	Всего
	А	Б	В			
Январь	719	1026	764	1046	1068	935
Февраль	730	909	792	1033	1205	1001
Март	886	870	843	1253	1206	1059
Апрель	834	1143	778	1048	1149	975
Май	951	909	824	1162	1098	992
Июнь	1172	1130	1117	1100	993	1063
Июль	1687	1455	1647	1021	958	1262
Август	1645	1494	1775	1068	878	1291
Сентябрь	1177	831	1102	786	783	920
Октябрь	818	883	824	687	785	786
Ноябрь	709	597	710	820	869	793
Декабрь	669	805	825	973	1005	923

⁴ Подсчитано по: Статистика Российской империи. СПб., 1903. Вып. 56. С. 198–199; 1904. Вып. 58. С. 198–199; 1906. Вып. 62. С. 198–199; 1914. Вып. 82. С. 4–7, 38–41, 70–73

Поскольку в привлеченных нами источниках, относящихся к 1898–1900 гг., нет данных о смертности городского и сельского населения по возрастам, нам пришлось воспользоваться соответствующими сведениями, имеющимися за 1909–1911 гг. Таким образом, в таблице 2 столбцы А и Б отдельно показывают соотношение количества *сельских и городских младенцев*, умерших в 1909–1911 гг. Во всех остальных столбцах помещены суммарные данные об умершей в 1898–1900 гг. части населения губернии (без различения селений и городов).

Известно, что в изучаемую эпоху более половины всех умиравших в России (в том числе на Русском Севере) людей были младенцами в возрасте до 1 года. Рассматривая календарь смертности в этой возрастной группе, нетрудно увидеть, что *летний пик летальности всего населения и в деревнях, и в городах, и по губернии в целом складывался именно за счет громадного числа младенцев, умерших в период июня-августа*. Летом младенческая смертность превышала среднегодовой для данной возрастной группы уровень в городах в 1,5 раза, а в селениях – почти вдвое. На летнюю четверть года приходилось более трети среднегодовой летальности младенцев: 33,8 % в городах и 37,5 % – в сельской местности, по данным 1909–1911 гг. Летний младенческий «мор» наступал главным образом в результате ежегодных эпидемий дизентерии («кровоавого поноса», по народному определению) и ряда других заразных болезней. Распространение эпидемий преимущественно в июле-августе объясняется климатическими условиями теплого сезона, неудовлетворительным уходом за младенцами со стороны матерей, занятых полевыми и огородными работами. Ко времени Петрова поста (20 дней в мае-июне) в небогатых семьях старые запасы продуктов заканчивались, наступал самый голодный сезон («петровки-голодовки»), что тоже предопределяло летний подъем младенческой смертности. Наконец, следует учитывать довольно тесную, особенно в деревнях, связь между высокой летней рождаемостью (см. табл. 1) и всплеском младенческой летальности: рождаясь летом, многие дети вскоре, этим же летом, умирали. Согласно народным поверьям, того ребенка, который пережил первый в своей жизни август, ожидала долгая жизнь.

Обратившись к возрастной группе детей от 1 до 5 лет (см. табл. 2), мы увидим, что смертность у них летом тоже была велика, но все же в зимние и переходные весенние месяцы они умирали чаще грудных младенцев, а максимумы летальности приходились на март и май. В группе старше 5 лет статистика фиксирует уже явное преобладание смертности именно в зимне-весенний период с наибольшими показателями в феврале-марте. Зимой фактором, повышавшим смертность, являлась скученность членов большой семьи в тесном и душном жилище, что благоприятствовало заражению детей оспой, корью,

скарлатиной (гибель от этих болезней преобладала в группе 1–5 лет), а взрослых – тифозной «горячкой». Весной, когда велики перепады температуры и часты холодные ветры, становилась максимальной опасность простуды: для подростков и взрослых наступал сезон хозяйственных работ, дети долго играли на улице. Можно уверенно сказать, что некоторый подъем смертности, отмеченный нами на всем Русском Севере в марте-апреле, а в Олонецкой губернии – в феврале-марте, объясняется повышенной летальностью в начале весны представителей старших возрастных групп населения.

Итак, помесечное и посезонное распределение семейных демографических событий на Русском Севере на рубеже XIX–XX вв. подчинялось довольно строгим закономерностям. Эти закономерности находят объяснение с позиций многофакторного подхода: влияние природных, социально-экономических и культурно-религиозных условий народной жизни опосредовалось традиционной русской ментальностью. Имело место большое сходство сельского и городского вариантов СДК, особенно там, где важную роль играли универсальные природно-биологические факторы. Сходство объясняется также культурно-генетической преемственностью и интеграционными процессами: в эпоху ранней урбанизации и массовых миграций сельчан в города некоторые типологические характеристики деревенской культуры вошли в фундамент культуры городской. Наиболее ярким отличием городского СДК от сельского являлось *более равномерное распределение в нем всех демографических событий по месяцам и сезонам*. Эта особенность объясняется, во-первых, меньшим влиянием на демографическое поведение горожан традиционных сезонных культурно-религиозных ограничений, во-вторых, более слабой зависимостью образа жизни горожан от природно-климатических циклов.